

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

⁹ Климчук А. Архівні матеріали про життя та діяльність барона Ф. Штейнгеля // Наукові записки Рівненського краєзнавчого музею. Вип. VIII. – Рівно, 2010. – С. 42-46.

¹⁰ Беляя О. Професор В.Б. Антонович про історію мінц-кабінету Київського університету // Академія пам'яті професора Володимира Антоновича: доповіді та матеріали. – К., 1994. – С. 110.

¹¹ Гарбуз Б. Вказ. праця. – С. 90.

¹² Там само. – С. 90-91.

А.И. Козак (Черновцы, Украина)

КСАНТИПП ЛАКЕДЕМОНЯНИН И РЕОРГАНИЗАЦИЯ КАРФАГЕНСКОЙ АРМИИ В 256–255 гг. до н. э.

Важной опорой Карфагена в осуществлении его завоевательных планов и политики удерживания господства над огромной территориальной державой являлась хорошо подготовленная армия. Созданная ещё суфетом Магоном в середине VI в. до н.э. (Just., XIX, 1, 1), она состояла преимущественно из иностранных наёмных контингентов, союзных отрядов зависимых ливийских племён и немногочисленного по сравнению с ними ополчения граждан финикийских городов африканского побережья¹. Благодаря такой организации пунийское войско длительное время по праву считалось одним из наилучших в Средиземноморье и в руках способного полководца превращалось в грозную для противника силу.

Однако, с началом Первой Пунической, или Сицилийской, войны (264–241 гг. до н.э.) престиж карфагенской армии в регионе резко пошатнулся. Уже первое поражение в крупном сухопутном столкновении под Мессаной (264 г. до н.э.), показало пунийскому командованию значительные преимущества римских вооружённых сил, состоявших из граждан и союзников (Polyb., I, 11, 3-4; Eutrop., II, 18, 2)². Тем не менее, причина военной неудачи карфагенян крылась не столько в социальной структуре их армии, сколько была связана с преобладанием у них традиционных методов ведения боевых действий, которые уже не подходили для борьбы с новым противником.

Пунийские военачальники, сделав определённые выводы из первого боевого столкновения, попытались исправить положение. В открытом сражении при Акраганте (262 г. до н.э.) они применили против римлян средство, заимствованное из эллинистической военной практики – боевых слонов (Polyb., I, 18, 8; Diod. Sic., XXIII, 8, 1)³. Но попытка использования малознакомого боевого средства не смогла уберечь их от жестокого разгрома. Последующие военные действия карфагенян на острове ограничивались только вылазками из приморских крепостей и безуспешными высадками отдельных отрядов на берега Италии.

Постепенно война в Сицилии начала приобретать затяжной характер. Чтобы переломить сложившуюся военную ситуацию, в Риме родился смелый план – нанести Карфагену решительный удар в Африке. Летом 256 г. до н.э. довольно значительному по численности римскому войску во главе с консулами Луцием Манлием Вольсоном и Марком Атилием Регулом (Polyb., I, 26, 1-4; Eutrop., II, 21, 4) беспрепятственно удалось высадиться на африканское восточное побережье, недалеко от пунийской столицы. Взяв штурмом г. Аспид, римляне превратили его в свой опорный пункт и принялись за опустошение карфагенских владений. В первые же месяцы они захватили много скота и больше 20 тыс. пленных (Eutrop., II, 21, 2). После этого основная часть флота и экспедиционной армии вместе с Вольсоном по распоряжению сената вернулась в Италию.

В Африке остался Регул с 15 тыс. пехоты, 500 всадниками и 40 судами. Он продолжал опустошать вражескую территорию и, продвигаясь к Карфагену, осадил г. Адис. На этот раз пунийская армия явилась на выручку. Она превосходила римлян по количеству конницы и имела слонов, но её командование вновь неосторожно вступило в бой на неудобной позиции и было разбито, потеряв даже лагерь. Римский консул вплотную подошёл к карфагенской столице, заняв по пути г. Тунет и устроив там свой зимний лагерь.

Казалось, что римляне как никогда раньше близки к победе и могут уничтожить противника полностью, предотвратив последующие войны с пунийцами. Однако этого не произошло. Весной 255 г. до н.э. в решающем сражении при Тунете (Polyb., I, 31-36; Front. Strat., II, 2, 11) войско Регула потерпело сокрушительное поражение от карфагенской армии под командованием стратега *Ξανθίππου*. Сам римский консул в результате разгрома оказался во вражеском плену. Карфаген был спасён, а все надежды Рима на быструю победу мгновенно рухнули. На следующий год война вспыхнула с прежней силой, и Сицилия вновь стала главным театром военных действий, которые с переменным успехом продолжались ещё целых четырнадцать лет.

Что касается обстоятельств, благодаря которым пунийцам чудом удалось избежать окончательного уничтожения, а римляне потерпели одно из самых жестоких поражений в своей военной истории, то они до сих пор остаются мало исследованной проблемой. При этом нельзя сказать, что образ лакедемонянина Ксантиппа и его военная деятельность во время пребывания в Карфагене не привлекала внимания как отечественных, так и зарубежных антиковедов. Вопрос состоит в другом. Большинство из них не пыталось изучить истоки тех преобразований, которые провёл спартанский военачальник в карфагенской армии зимой 256–255 гг. до н.э.⁴

Причины отсутствия подобных историографических исследований тесно связаны с неудовлетворительным состоянием источниковой базы. Так, завершая рассказ об этом важном событии Первой Пунической войны, Полибий острожно подчёркивает значение военного гения Ксантиппа.

Дипломатично обращаясь к древнему авторитету, он приводит слова Еврипида о том, что один мудрый ум побеждает множество рук. Так и теперь, продолжает историк, один человек и один лишь его мудрый замысел сокрушили непобедимые ранее войска и вновь подняли государство, пришедшее в упадок (Polyb., I, 35, 4-5).

Сдержанный тон Полибия, который объяснялся проримской направленностью и стремлением доказать закономерность подчинения Эллады Риму, не должен вводить нас в заблуждение. Где-то в глубине души историк гордился победой эллинского ума. В отношении Полибия к Ксантиппу проявляется в полной мере ложность положения греческого историка, перешедшего на сторону завоевателей его родины: он не осмелился описывать подробно деятельность талантливого лакедемонянина, т.к. в Риме ещё живы были воспоминания о длительной борьбе с пунийцами и о понесённых в ней потерях. Позор попавшего в плен консула Марка Атилия Регула был слишком чувствительной раной для римской гордости, поэтому Полибий старался поменьше говорить о личности доблестного эллина, противника Рима.

Упомянутый военный эпизод интересен также и тем, что наглядно демонстрирует столкновение двух античных военных школ – римской и эллинистической, столкновение, завершившееся убедительной победой последней. Это хорошо поняли сами римляне – недаром имя спартанского военачальника Ксантиппа надолго сохранилось в римской исторической традиции.

Рассказ Полибия позволяет понять причину передачи командования над всей карфагенской армией чужеземцу. По-видимому, командиры греческих наёмников, которые вовремя прибыли со своими отрядами в пунийскую столицу, поспешили изучить текущую военную ситуацию. Узнав, при каких обстоятельствах пунийцы терпели поражения, Ксантипп подсчитал оставшиеся военные ресурсы Карфагена, в том числе его конницу и слонов. Сопоставив все данные, он пришёл к выводу, что карфагеняне потерпели поражение не потому, что римляне были сильны, а из-за неопытности собственных военачальников (Polyb., I, 32, 2). Можно полагать, что обсуждение военного положения и способа ведения предстоящих боевых действий происходило на совете греческих командиров.

Правда, в рассказе Полибия и некоторых других греческих историков содержится намёк на то, что чисто случайные обстоятельства позволили Ксантиппу возглавить войска Карфагена в момент наивысшей угрозы городу (Polyb., I, 32, 3-4; App. Lib., I, 3). Однако нам представляется, что приезд талантливого лакедемонянина в Карфаген и передача ему затем высшей военной власти явились результатом искусного политического манёвра, задуманного и осуществлённого какой-то группой внутри карфагенских верхов. Авторы этого разумного плана хорошо понимали необходимость коренного переустройства всего карфагенского войска по образцу наиболее известных своей боеспособностью греческих наёмных армий, успешно

выступавших на службе у эллинистических монархов⁵. Вероятно, здесь проявились разногласия между сторонниками традиционного способа ведения войны и какой-то активной группой, стремившейся к нововведениям в армии.

Облечённый высшими полномочиями стратега, Ксантипп начал с того, что вывел войска за город и там провёл ряд учений. Армия пунийцев впервые получила необходимую военную тренировку в соответствии с лучшими правилами тогдашнего военного искусства. Причём деятельность одарённого спартамца была, в первую очередь, направлена на то, чтобы обучить карфагенян умело использовать слонов и конницу, т.е. те свои контингенты, которые могли нанести римлянам наибольший урон. Об этом недвусмысленно говорят имеющиеся в нашем распоряжении источники (Polyb., I, 32, 2; Front. Strat., II, 2, 11).

Уместен вопрос: где мог Ксантипп получить настолько основательные знания об использовании конницы и, тем более, боевых слонов, что смог потом обучить этому и пунийцев? Ответить на него достаточно непросто, поскольку Полибий только сообщает, что лакедемонянин μετεσχηκός καὶ τριβήν ἐν τοῖς πολεμικοῖς ἔχοντα σύμμετρον (I, 32, 1). Для многих современных авторов это сообщение о превосходстве Ксантиппа над карфагенскими военачальниками является не более чем заимствованием приукрашенных рассказов из не дошедшего до наших дней сочинения другого греческого историка Филина⁶, симпатизирующего соотечественникам и постоянно подчёркивающего значение эллинов в Первой Пунической войне. По их мнению, пунийские командиры едва ли нуждались в советах чужеземца для того, чтобы понять, что конницу и слонов целесообразнее употреблять в дело на равнине, чем в гористой и лесистой местностях⁷. Однако при этом они не указывают, многие ли из античных полководцев исследуемого периода практиковали в своей военной деятельности эффективное применение обоих боевых средств в сочетании с использованием рельефа местности. Если внимательно присмотреться, то увидим, что кроме Ксантиппа, подобные приёмы характерны только для одного выдающегося военачальника того времени – царя Пирра Эпирского (Plut. Pyrrh., 21; Liv., XXXV, 14, 9). При этом следует отметить, что у последнего такие вопросы, без сомнения, должны были найти отображение в теоретических трудах по военному делу, которые он оставил после себя⁸. К сожалению, утверждать о влиянии военного искусства Пирра на тактические нововведения Ксантиппа во время его пребывания в Карфагене прямой возможности нет.

Отдельные исследователи считают Ксантиппа высоко-образованным и признанным военным специалистом⁹. С таким мнением можно согласиться лишь частично, поскольку в своём рассказе Полибий говорит о Ксантиппе как о ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς (I, 32, 1). Известно, что грамоте спартамцы обучались, но, как отмечает Плутарх, в чисто практических целях

– «лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись» (Лус., 16, 10), а «прочие же виды образования подвергали ксенеласии» (Мог., 238 е). Представляется совершенно верным наблюдение современных авторов, что письменная культура приравнивалась в Спарте к предметам роскоши и рассматривалась как нечто неуместное и даже опасное ещё в период поздней классики¹⁰. Исходя из такого положения вещей, вряд ли уместно даже предполагать, что Ксантипп мог читать воспоминания или военные труды царя Эпира. Поэтому более правы те учёные, которые называют спартанского полководца военным практиком, осваивавшим своё ремесло эмпирическим путём¹¹. В каких войнах он принимал участие до прибытия в Карфаген, нам не известно. Но учитывая, что в исторической традиции он именуется «мужем опытейшим в военном искусстве» (Polyb., I, 32, 1; Flor., I, 18, 2, 23), можно говорить об его участии во многих вооружённых столкновениях эллинистического мира первой половины III в. до н.э.

В таком случае, не следует исключать возможность присутствия Ксантиппа в рядах армии эпирского царя во время кампаний последнего в Италии, Сицилии или на Балканах в 280–272 гг. до н.э. Безусловно, высказанное предположение является не более чем умозрительной гипотезой, в основе которой – определённое сходство стратегии действий обоих военачальников, засвидетельствованное источниками. Так, по рассказу Плутарха, при Аускуле в 279 г. до н.э. Пирр «на следующий день задумал перенести битву на равнину и бросить в бой слонов» (Puth., 21). В свою очередь, лакедемонянин, по свидетельству Полибия, прибыв в Карфаген зимой 256–255 гг. до н.э., поучал пунийцев, «что, раз они последуют его совету и будут выбирать для походов, для стоянок и сражений ровные местности, то не только завоюют себе безопасное положение, но и одолеют противника» (I, 32, 4). Причём, также как и эфирот, Ксантипп намеревался максимально эффективно использовать против римлян элѳантерию¹². Не вдаваясь в сравнение других деталей военной деятельности царя Эпира и спартанского полководца, следует отметить, что между ними наблюдается много общего. Поэтому можно говорить, что опыт Пирровых войн прямо или косвенно был использован Ксантиппом при проведении тактического переустройства карфагенской армии.

Таким образом, пунийцы хорошо понимали значение эллинистической военной теории и практики. Благодаря им они одержали полную победу над римлянами при Тунете, которая имела результатом примирение групп, соперничавших в правительстве карфагенян. Дошедшая до Полибия традиция гласит, что в городе между партиями установилось согласие (Polyb., I, 36, 1). Можно думать, что забота о спасении родины заставила более консервативные круги совета старейшин пойти навстречу тем, кто настаивал на передаче командования пунийским войском Ксантиппу. Оценивая роль последнего в войне между Карфагеном и Римом, не следует ограничиваться лишь признанием самого факта его военного успеха. Применённый Ксантиппом манѳвр с элѳантерией произвѳл столь сильное

впечатление на римлян, что они несколько лет не решались приближаться к карфагенским слонам.

¹ Gsell St. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. – P., 1913. – Т. 1. – P. 421; Шифман И.Ш. Карфаген. – СПб., 2006. – С. 151.

² Gsell St. Op. cit. – P., 1928. – Т. 3. – P. 75-76; Оржеховский О.С. К истории Мессанского конфликта // ВДИ. – 1976. – № 1. – С. 118-128.

³ Gsell St. Op. cit. – Т. 3. – P. 77-78; Родионов Е. Пунические войны. – СПб., 2005. – С. 90-92.

⁴ Рассмотрение вопросов связанных с реорганизацией карфагенской армии Ксантипом в российской историографии см.: Гурьев А.В. Военная реформа Ксантиппа // Para bellum. – 2001. – № 12. – С. 91-102.

⁵ Russell A.G. The Greek as a mercenary soldier // GR. – 1942. – Vol. 11. – No 33. – P. 109. Известные ныне источники позволили М. Лонэ высказать мнение, что Спарта поставляла в армии эллинистического мира в основном командиров, а не рядовых воинов (Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. – P., 1949. – Vol. 1. – P. 118).

⁶ Walbank F.W. Polybius, Philinus, and the First Punic War // CQ. – 1945. – Vol. 39. – No 1-2. – P. 1-18.

⁷ Моммзен Т. История Рима: В 5-ти т. – СПб., 1994. – Т. 1. – С. 415, прим.; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: В 4-х т. – СПб., 1994. – Т. 1. – С. 226-227.

⁸ Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. – СПб., 2009. – С. 25-30.

⁹ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. – М., 1983. – С. 43.

¹⁰ Андреев Ю.В. Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // Hyperboreus. Studia Classica. – Petrop., 1994. – Vol. I. – Fasc. 1. – С. 10-18; Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). – СПб., 2001. – С. 271-272.

¹¹ Нефёдкин А.К. Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы. – СПб., 2002. – С. 45.

¹² Gowers W. The African Elephant in Warfare // AA. – 1947. – Vol. 46. – No 182. – P. 44; Glover R.F. The Tactical Handling of the Elephant // GR. – 1948. – Vol. 17. – No 49. – P. 2; Seibert J. Der Einsatz von Kriegselefanten. Ein militärgeschichtliches Problems der antiken Welt // Gymnasium. – 1973. – Bd. 26. – S. 358.